

УДК 371:94

Габдулла Буби в первые годы Советской власти

А. Х. Махмутова,

*г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Gabdulla Bubi in the early days of the Soviet regime

A. Kh. Makhmutova,

*Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

На примере известного просветителя Габдуллы Буби в статье идет речь о переходе татарских интеллектуалов на сторону Советской власти. Сама совместная работа таких авторитетных идеологов джадидизма, как Габдулла Буби, с их бывшими учениками, ставшими комиссарами, казалось, давала серьезные надежды на успешное решение национального вопроса при становлении молодой Советской власти, на осуществление их идеалов о будущем свободном равноправном развитии культуры и образования татарского народа.

Abstract

Using the example of a prominent educator Gabdulla Bubi, the article shows the Tatar intellectuals' joining the side of the Soviet regime. The collaborative work of the trustworthy masterminds of Jadidism like Gabdulla Bubi with their former students, who became commissars, created tremendous hope on the successful solution of ethnic issues during the establishment of the young Soviet government and implementation of their ideals of the upcoming equitable development of culture and education of the Tatar people.

Ключевые слова

Революция 1917 г., мусульмане, «Декларация прав народов России», декреты советской власти, Гражданская война, медресе Иж-Буби, Центральная мусульманская военная коллегия, движение «красных мулл».

Keywords

The Revolutions of 1917, Muslims, "Declaration of rights of the peoples of Russia", Decrees of the Soviet government, the Civil War, Izh-Bubi madrasah, the Central Muslim Military Collegium, the "Red Mullas" movement.

Известный просветитель, общественный деятель и педагог Габдулла Буби (1871-1922), вынужденный в 1913 г. эмигрировать в город Кульджа в Китайском Туркестане, после свержения царизма, в мае 1917 г. вернулся на родину с грандиозными планами восстановления в родной деревне

*Габдулла Буби (сидит 4 слева) среди учителей и учеников учительской семинарии.
Г. Троицк, 1917-1918 г.*

*Gabdulla Bubi (4th sitting) with teachers and students of the Teachers' Training College.
Troitsk. 1917-1918.*

знаменитого центра просвещения и образования – медресе Иж-Буби, обучения и воспитания интеллектуалов, всесторонне подготовленных для служения своему народу.

Мы погрешим против истины, если скажем, что Габдулла Буби встретил известие об Октябрьской революции с таким же восторгом, как и весть о свержении царизма. Но утверждать и обратное мы не можем. Скорее всего, как и многие из представителей татарской интеллигенции, он отнесся к этому событию если не благожелательно, то нейтрально. Дело в том, что многие деятели национального движения, в том числе и братья Буби, были уверены, что коренные вопросы будущего устройства России, в число которых они, без сомнения, включали и национальный, будет решать Учредительное собрание. Именно с ним они связывали самые большие надежды. К тому же, как, например, считал Садри Максуди, многие территории с компактным проживанием татар (в том числе и Троицк, где в 1917/18 учебном году преподавал педагог) до апреля 1918 г. не были большевизированы. «Большевики пока были очень осторожны в отношении к нашим гражданским и военным организациям. Банки и склады оружия охранялись солдатами-мусульманами. Большевики опасались мусульманских войск»¹, – вспоминал он об этом времени.

К тому же и первые декреты молодой советской власти о мире, о земле, так же как и ее первые шаги в области национальной политики, вроде бы отвечали надеждам и чаяниям угнетенных народов. «Декларация прав народов России», принятая 2 ноября 1917 г., провозглашала равенство и суверенность всех народов, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования

самостоятельного государства, отмену всех и всяких национальных привилегий и ограничений. Хотя эти действия большевиков, несомненно, должны были импонировать участникам татарского национального движения, 20 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров принял еще один документ, адресованный непосредственно мусульманам. Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» призывало их поддержать советскую власть. В обращении разъяснялось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»².

Это обращение, бесспорно, должно было способствовать если не завоеванию симпатий мусульман к советской власти, то распространению иллюзий. К тому же Временное правительство не торопилось удовлетворять требования мусульманских народов. Скорее всего, татарским интеллектуалам была близка позиция, высказанная Ф. Амирханом в передовой статье газеты «Кояш» (Солнце) от 25 ноября 1917 г. под названием «Большевики – мусульманам». Автор писал, что и правительство Николая, и правительство Керенского понимали национальную проблему в лучшем случае «в традициях европейской буржуазии», и отмечал: «Большевики же были первые, кто порвал с этой гнусной модой... Мы, татары России, не можем не поддержать лозунги о мире, о земле, о независимости народов, поднятые большевиками»³.

Мы не знаем, как Г. Буби принял последующие события, долго ли ему пришлось выбирать, на чьей стороне быть, как поступить в условиях начинавшейся гражданской войны. Но свой выбор в этот сложный и трудный период приходилось делать всем, особенно таким личностям с ярко выраженной гражданственностью, как он. Одно можно сказать твердо: 1917-1918 гг. для Габдуллы Буби были еще одним потрясением, вероятно, не менее тяжким, чем трагедия 1911-1912 гг., когда было разгромлено медресе Иж-Буби. Резкий и требовательный Г. Буби, не найдя общего языка с Яушевыми и некоторыми муталлимами, что, конечно, не могло не повлиять и на состояние его здоровья, с трудом доработал 1917/18 учебный год в Троицке и летом 1918 г. вернулся в Иж-Буби (как оказалось, навсегда).

Его младшая дочь Ситдика писала в своих воспоминаниях, что когда они вернулись после окончания учебного года в Иж-Буби, отец был уже тяжело болен. Тем не менее он надеялся, что дома его здоровье улучшится, и, чуть поправившись, думал приступить к восстановлению своей школы. Но вихри гражданской войны и прогрессирующая болезнь не дали ему возможности с головой окунуться в любимое дело.

Не успела семья Габдуллы Буби оглядеться в новой обстановке (в округе устанавливалась советская власть, причем самыми активными ее сторонниками оказались бывшие шакирды медресе Буби), как летом 1918 г. территория края стала ареной ожесточенной борьбы между противниками и сторонниками новой власти – «красными» и «белыми»: в конце июля – начале августа 1918 г. она оказалась в руках белых; осенью в крае были красные (3 октября Красная Армия вступила в Агрыз, а 8 ноября заняла Пьяный Бор); весной 1919 г. здесь находились войска Колчака (10 апреля они заняли Сарапул, 11 апреля – Ижевск). Наконец, 28-я дивизия Второй Красной Армии, вошедшая в историю под названием Азинской, 1 июня взяла Агрыз, а 3 июня – Сарапул⁴. Так в течение менее чем года в Иж-Буби пять раз

происходила смена власти! Каково при этом приходилось мирному населению, сколько было неразберихи, трагедий – нам трудно даже представить!

К сожалению, мы не располагаем достоверными сведениями о том, как перенес все эти перипетии Габдулла Буби. Но не можем не привести отрывок из воспоминаний бывшего шакирда Буби Заки Алеева:

«Когда осенью 1918 года Красная Армия, преследуя белых, заняла Агрыз, тот самый Апаков⁵ донес, что “Габдулла Буби помогал белым”. Тяжело больной Г. Буби был арестован [по этому доносу] политотделом 2-й дивизии Второй Красной Армии (политкомиссар Д. Зорин). В ходе допроса Г. Буби сказал, что он подозревает лишь одного человека: “Во времена царской власти на нас доносил лишь Апаков”. По его показаниям нашли старое дело, проверили. Выяснилось, что на самом деле Апаков – старый провокатор, и новый донос тоже его рук дело. Оказалось, что он, опасаясь, что его прежнее провокаторство станет известно советской власти, решил уничтожить Габдулла Буби»⁶.

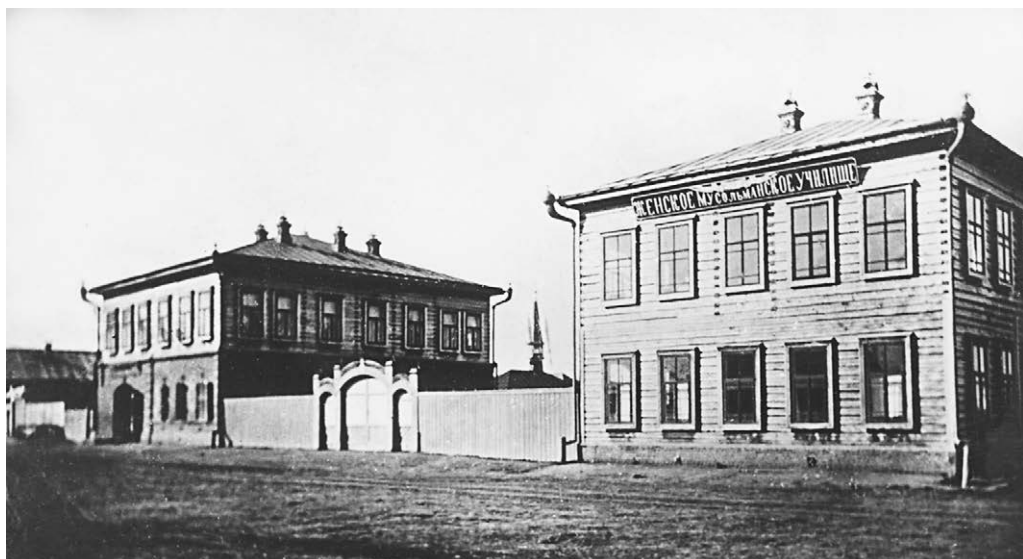
В результате Г. Буби отпустили, а когда разобрались в этом деле, «по законам военного времени был наказан» Ш. Апаков (по-видимому, расстрелян).

Не уверены, легенду ли, быль ли рассказал автор воспоминаний, так как он предупреждал, что сам это слышал от других, но очень похоже на правду. К этому же промежутку времени, когда край был в руках красных, можно отнести еще один факт, связанный с именем Г. Буби. В номере выходившей в Сарапуле газеты «Красный воин» от 27 февраля 1919 г. была помещена статья «Единая трудовая школа», подписанная инициалами «А. Б.». Полагаем, что их можно расшифровать как Абдулла Бобинский (известно, что Г. Буби именно так подписывал свои материалы), тем более, что тема статьи очень близка ему. Появление его статьи в русской газете было бы не удивительно – Г. Буби прекрасно владел русским языком, в то время в крае выходила лишь эта газета и вполне допустимо, что бывшие ученики педагога, активно устанавливавшие новую власть в регионе, попросили своего Учителя помочь им в разъяснении политики советской власти населению (учтем, что новая власть очень нуждалась в подобных кадрах).

Г. Буби, безусловно, был знаком с документами, направленными на создание новой школы. 30 сентября 1918 г. был подписан декрет ВЦИК РСФСР «Положение о единой трудовой школе». 16 октября декрет был опубликован вместе с разработанными Государственной комиссией по просвещению «Основными принципами единой трудовой школы», более известными под названием «Декларация о единой трудовой школе». Документы устанавливали преемственность в системе народного образования, общедоступность и бесплатность обучения в школах всех ступеней, вводили совместное обучение мальчиков и девочек и самоуправление учащихся⁷. Основываясь на них, Наркомпрос РСФСР опубликовал постановление «О школах национальных меньшинств», в котором говорилось, что «все национальности, населяющие Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях Единой трудовой школы и в Высшей школе»⁸.

Содержание этих документов, бесспорно, соответствовало взглядам Г. Буби и открывало ему возможность для осуществления его давней мечты – восстановления школы в Иж-Буби.

Гражданская война ставила перед каждым проблему выбора. Естественно, что подобные документы молодой Советской республики способствовали принятию решения в пользу Советов такими интеллектуалами, как Г. Буби. И несмотря

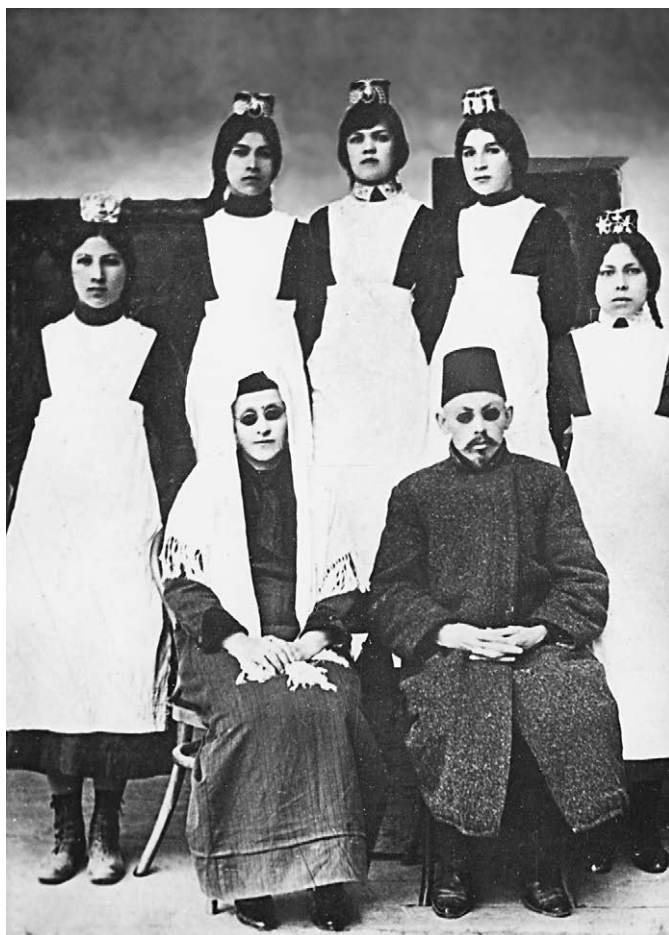
*Дом семьи Буби и здание женского медресе.
The Bubis house and the building of the girls' madrasah.*

на болезнь, он включился в строительство новой жизни, помогая советами своим ученикам-комиссарам или принимая посильное участие в их делах. Можно утверждать одно: независимо от того, являлся Г. Буби автором названной статьи или нет, тема эта, несомненно, интересовала просветителя. Поэтому остановимся на некоторых ее положениях.

«Почему же новая советская школа называется единой? Раньше у нас было две школы: черной и белой кости. Начальная школа – для черной кости; гимназия, курсы, университеты – для белой кости. Барская школа готовила детей к совершенно иной роли, чем начальная. Детям труда еле удавалось кончать начальное училище, как их запрягали в физическую работу», – так начиналась статья. Развенчав таким образом старую систему обучения, автор продолжал: «Советская же школа должна вырабатывать творцов новой жизни, чтобы каждый уголок жизни был молодым свежим источником. Наша школа должна быть трудовой»⁹.

Далее автор спрашивал: «Разве учащиеся понимали, как, например, поставить сельское хозяйство? Разве они знали что-нибудь о рабочем положении, разве они знали о своей действительности?» И критиковал методы воспитания и обучения, господствовавшие в старой школе: «Входит в школу живой расторопный ребенок, который ищет чего-то, хочет что-то сделать, смастерить, а эту живую творческую сообразительность, вместо того, чтобы развивать, заглушают. Он хочет спросить учителя о чем-нибудь, его сдерживают, если есть в ребенке живой порыв, его заставляют тихо сидеть, если у него живая, смелая воля, его наказывают, и получается безжизненный будущий чиновник»¹⁰. Эти строки, безусловно, очень близки к представлениям Г. Буби о назначении школы, методах воспитания и обучения, и если их автор не сам просветитель, то, несомненно, его единомышленник.

«[Крестьянам] нужна такая школа, которая приготавлила бы из их детей знающих, умеющих применять к жизни свои знания людей. Ведь им приходится биться над тысячами задач, их не удовлетворяет старая трехпольная система, они, может

*Габдулла и Хуснифатима
Буби с ученицами.
Г. Кульджа, 1917 г.*

*Gabdulla and Khusnifatima
Bubi with students.
Kuldzha, 1917.*

быть, и сделали б что-нибудь для улучшения мечты, но они не умеют, не знают. Крестьянам сейчас нужны свои свежие, здоровые силы, им нужно, чтобы их дети возвращались в их крестьянскую среду и шли впереди их, как первый отряд, который умеет внушать, убедить, а в минуту падения – ободрить, – убеждал автор своих читателей. – Нам нужны теперь живые люди, которые бы не терялись перед всякой практической работой. Новая школа должна давать умеющих бороться с жизнью людей, которые бы умели с уважением относиться как к физическому, так и умственному труду; она также должна вырабатывать из ребенка сознательного участника общественной жизни – борца»¹¹.

По-видимому, на основе документов о новой школе Г. Буби решил приняться за создание школы II ступени в Иж-Буби. Можно предположить, что уже в 1918/19 учебном году, после ознакомления с этими документами, Габдулла-эфенди начал предпринимать подготовительные шаги, однако время оказалось очень тяжелым: край оказался в руках белых, что делало невозможным создание школы на основе советских документов. Эти события отодвинули открытие школы в Иж-Буби. Она открылась в 1919/20 учебном году, после окончательного установления советской власти в крае.

В условиях ожесточенной гражданской войны победа советской власти была возможна лишь при привлечении на сторону Советов населения и, прежде всего, его авторитетных лидеров. Учитывая большой авторитет Г. Буби не только

в округе, но и в целом среди татар, можно полагать, что поддержка им новой власти могла побудить многих, прежде всего – его бывших учеников, ставших учителями или муллами, пойти по стопам своего Учителя. Понимавшие это шакирды Буби, ставшие комиссарами сразу же после возвращения красных, – и осенью 1918 г., и летом 1919 г. – не могли не обратиться к своему учителю за помощью. В условиях поляризации в татарском обществе, его веское слово, разъяснявшее политику советской власти, могло подтолкнуть многих, находящихся на перепутье, к принятию решения в пользу поддержки Советов.

Когда решался вопрос, кто кого, когда многие интеллектуалы оказались на перепутье, Габдулла Буби поддержал новую власть, тем более, что эту новую власть в его родных краях устанавливали его бывшие ученики, которые, как и прежде, нуждались в его советах, поддержке, одобрении. Так, один из его бывших шакирдов Шакираджан Хамиди был членом Центрального мусульманского комиссариата, членом Центральной мусульманской военной коллегии (ЦМВК), членом политотдела II армии. Сразу вслед за освобождением Сарапульского уезда от колчаковцев и белогвардейцев он стал одновременно и председателем Агрызского ревкома. В своей деятельности по утверждению новых порядков в округе он с самого начала опирался на авторитет, опыт и знания Габдуллы-эфенди, привлекая своего Учителя в тех областях, в которых Г. Буби мог действовать и словом, и, по мере сил, делом.

По его инициативе летом 1919 г. Буби вместе с группой своих учеников организовал в Иж-Буби полуторамесячные учительские курсы по подготовке учителей для татарских школ Сарапульского уезда. В заметке, помещенной в газете «Кызыл Армия» (Красная Армия) от 6 августа 1919 г., объяснялось, что своевременная организация курсов в начале лета, как в других уездах, была невозможна, в связи с военными действиями в крае и отсутствием средств для организации курсов. Курсы начали свою работу 2 августа 1919 г. На этих курсах, собравших около ста слушателей, бесплатно работали сам Габдулла Буби, его шестнадцатилетняя дочь Галия, учителя уезда, бывшие шакирды Г. Буби Харис Сайманов и Кутдус Габдрахманов, И. Шагидуллин и Ш. Хамиди (как указывается в статье, «если отпустит ЦМВК»).

В меру сил и своим авторитетом Г. Буби всячески помогал своим бывшим ученикам строить новую жизнь. Он вел также работу по разъяснению среди населения политики советской власти, ее декретов, в частности, декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Его выступления о недопустимости нейтралитета в борьбе за новую жизнь, в которой участвовали широкие народные массы, способствовали привлечению на сторону советской власти татарской интеллигенции – сельского духовенства, среди которого было много учителей. Так, в одном из выступлений Г. Буби говорил: «Против советской власти выступают лишь те духовные лица, которые служат буржуазии или сами буржуи либо кулаки... Полупролетарское сельское мусульманское духовенство не имеет права во время революции оставаться в стороне...»¹².

Он и сам предпринял решительные шаги для привлечения татарского духовенства, которое почти повсюду представляло и учительство, и пользовалось большим влиянием в народе, особенно среди крестьянства, на сторону Советской власти. Так, одним из первых Г. Буби откликнулся на действия политотдела Центральной мусульманской военной коллегии, приступившей в августе 1919 г. к осуществлению ряда мер для привлечения на сторону Советов татарских интеллектуалов (джадидского духовенства, прежде всего) и положившей тем самым начало так называемому движению «красных мулл»¹³.

6 августа 1919 г. ЦМВК собрала в Казани представителей татарского духовенства и интеллигенции Казанской губернии для разъяснения им политики советского правительства и выяснения их отношения к советской власти. Всего на совещании присутствовало 353 представителя духовенства и интеллектуалов, «стоявших на платформе советской власти». Председателем собрания был избран Г. С. Баимбетов (1886-1933), начальник политотдела ЦМВК. Открывая совещание, он обратил внимание присутствующих, что они собрались ровно через год после взятия Казани чехословаками. «Это не случайно. Тогда почти все духовенство и интеллектуалы были на стороне белых; в ходе гражданской войны часть этого духовенства и интеллектуалов «покраснела», среди них появилось стремление показать себя сторонниками Советов. Поэтому это совещание созвано для объяснения с красным духовенством, с красными интеллигентами, с красными муэдзинами», – подчеркнул председательствующий.

Г. Баимбетов же сделал и основной доклад. Уделив много внимания характеристике состояния татарской интеллигенции, все еще находившейся на перепутье, занимавшей позицию стороннего наблюдателя, готового перекинуться на сторону победителя, докладчик отметил недостаток пропагандистов и агитаторов, разъяснявших народу хотя бы декреты Советской власти. Он подчеркнул, что эту работу вполне могли бы выполнять интеллектуалы. «Я не говорю, что декреты нужно показывать лишь с положительной стороны. Хотя бы объясняли народу, что это за декрет. Например, взяв какой-то декрет, разъяснили бы, добавив свою критику, что в основе своей он подходит народу, что лишь ряд пунктов в данное время не выполняется из-за отсутствия условий. Они же даже не критикуют!» – сетовал докладчик.

Чтобы разъяснить задачи и привлечь население на свою сторону, советская власть делает многое, объяснял докладчик: принимаются декреты, выпускаются газеты, брошюры, пишутся письма, прокламации, воззвания, делаются выступления, доклады с разъяснением платформы советской власти. Все это необходимо переводить на разные языки. Помочь в этой работе, в частности, могли бы представители духовенства и интеллектуалов, определившие не только на словах, но и на деле свои позиции. С этих позиций выступали в течение четырехчасового разговора Г. Баимбетов, С. Саидгалеев, И. Казаков. Было принято решение опубликовать материалы совещания как можно более подробно, с тем, чтобы подобные совещания можно было проводить и в других регионах.

Г. Буби, познакомившийся с этими материалами по газете «Кызыл Армия», явился инициатором организации совещания татарского духовенства Агрызской волости. 27 августа они собрались в здании школы Иж-Буби для рассмотрения вопроса о взаимоотношениях с советской властью. Председателем собрания был избран Габдулла Буби, секретарем – имам Агрыза Хабибрахман-хазрат Абдрахманов. Докладчик Г. Буби обратил внимание собравшихся на то, что духовенство волости, в отличие от большинства окрестных мулл, еще в сентябре 1918 г., благодаря Ш. Хамиди, имело возможность познакомиться с декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Однако собраться для его обсуждения духовенству региона, по словам докладчика, на 98% бывшему на стороне Советов, не удалось как из-за бурных событий 1918-1919 гг., так и из-за того, что никто не знал, как это сделать.

Он отметил также: «Хотя мы сами в Агрызской округе (с осени 1918 г. – А. М.) разъясняли политику советской власти среди народа, это дело можно было бы расширить, объединившись с нашими соседями в Елабужском, Мензелинском,

Бирском и Осинском уездах и создав официальную организацию... Хотя это дело давно уже назрело, хотя для полупролетарского сельского мусульманского духовенства ничегонеделанье в эпоху революции является непростительным грехом, незнание путей заставляло нас выжидать... Весть о совещании в Казани с мусульманским духовенством и интеллектуалами, проведенном политсоветом ЦМВК, показало нам этот путь».

Обращает на себя внимание, что Г. Буби причислил сельское духовенство к полупролетариату. Сам неутомимый труженик, он всегда считал себя частью трудового народа, жил его интересами, стремился смягчить его горести и беды. И в грозные годы революции и Гражданской войны он не изменил этим своим взглядам.

После обсуждения совещание единогласно решило: «Мусульманскому духовенству необходимо приняться за работу, помогая справедливости, так как отказ от деятельности в пользу советской власти – саботаж – является непростительным грехом». Здесь же, по предложению Г. Буби, было решено созвать в воскресенье 12 октября в Иж-Буби съезд представителей духовенства и интеллигенции всего региона – пяти уездов (Сарапульского, Елабужского, Бирского, Мензелинского, Осинского) трех губерний (Вятской, Пермской и Уфимской) в поддержку молодой Советской власти.

Были определены нормы представительства и вопросы для обсуждения на предстоящем съезде: «1. Доклад о современном положении в Советской России; 2. Знакомство с решениями Восьмой конференции партии коммунистов; 3. Создание региональной организации [духовенства и интеллигенции] пяти указанных уездов с четкой целью; 4. Обсуждение Декрета о религии и других религиозных вопросов; 5. Принятие каких-то мер для подготовки истинного и верного [советской власти] духовенства; 6. Заслушивание докладов с мест». Было решено также пригласить на съезд представителей от татаро-башкирских секций пяти уездных национальных отделов и ЦМВК и, направив протокол данного совещания в политотдел ЦМВК, просить опубликовать его в газете¹⁴.

Для подготовки и проведения съезда была избрана комиссия в составе Г. Буби (председатель), имамов Мансура Забири и Хаджимухаммеда Таджутдинова. Проведение съезда представителей пяти уездов именно в Иж-Буби, хотя деревня эта расположена не в центре, а на северной окраине этих уездов, объяснить довольно легко. Во-первых, инициатор и зачинщик мероприятия – Габдулла Буби. Во-вторых, выбор места определялся не только большим уважением, которым он пользовался, но и его болезнью: он уже не мог покидать свою деревню, не было сил перенести дорожные тяготы. Конечно, созыв съезда был бы невозможен без самого активного участия Ш. Хамиди. Он организовал публикации решений совещания духовенства Агрызской волости в газете «Кызыл Армия», оповестил через уездные мусульманские отделы духовенство пяти уездов о порядке выборов представителей на предстоящий съезд, способствовал их проезду в Иж-Буби.

Съезд состоялся 12-14 октября 1919 г. под председательством Габдуллы Буби. Секретарем съезда был Шакирджан Хамиди. В решениях съезда подчеркивалось: «Съезд выражает благожелательность советской власти и желает ей успехов во всех мероприятиях; берет на себя оказание помощи [Советской республике] в противодействии и разгроме всякой контрреволюции, сторонницы старой власти (монархии)». Также было решено: «Для руководства религиозными делами округа избрать коллегия из трех человек. Основная цель ее – показать ошибочность

положения, что полупролетарское сельское духовенство является врагом Советов, и доказать на деле, что оно является сторонником революции». В эту коллегию были избраны Г. Буби, учитель из деревни Иж-Байки Х. Сайманов и председатель Агрызского ревкома Ш. Хамиди. Местом нахождения коллегии была определена деревня Иж-Буби. Участники съезда собрали между собой 1 275 рублей на расходы для создания организации мулл – сторонников Советской власти¹⁵.

Эти совместные действия члена ЦМБК Ш. Хамиди и Г. Буби совпадали с положениями, выдвинутыми В. И. Лениным в ответе на «Открытое письмо специалиста» 27 марта 1919 г. «Чтобы очищение шло полнее и быстрее, надо, чтобы искренняя беспартийная интеллигенция помогала нам в этом. Когда она будет составлять группы лично знакомых друг другу лиц, выступать от их имени с призывом лояльной работы в советских учреждениях, с призывами «служить трудящемуся брату», если употребить выражение открытого письма, тогда муки родов нового общественного уклада значительно сократятся и облегчатся»¹⁶, – писал он. Однако дальнейшего развития «движение красных мулл» не получило, так как оно не отвечало политике центральных органов Советской власти. Несомненно, об этом говорит и перевод Ш. Хамиди в другое место службы. Не способствовало ему и обострение болезни Г. Буби.

Несмотря на то, что силы его с каждым годом таяли, Габдулла Буби с желанием сотрудничал со своими бывшими шакирдами, вставшими у руля новой власти, восстановил школу в Иж-Буби, как школу второй ступени, где преподавал до конца своей жизни. В начальных классах школы работала и его жена – Хуснифатима-ханум. С 1 октября 1920 г. на базе школы в Иж-Буби начали функционировать трехгодичные педагогические курсы, главным лектором которых также был Г. Буби. Кроме него взялись читать лекции его дочь Галия и бывшие его шакирды: К. Габдрахманов, Х. Сайманов, М. Галиакберов и М. Адагулов. Таким образом, осуществлялась мечта просветителя – возрождение учебного заведения, готовящего учителей, борцов против невежества, просветителей народа.

Кроме восстановления школы Габдулла Буби занимался и организацией приюта-коммуны для детей-сирот. По воспоминаниям его дочери Галии Абдулловны, сразу после окончания военных действий и установления советской власти Г. Буби, по просьбе своих учеников-комиссаров, создал детский приют, где работали он сам, его жена Хуснифатима и Галия-туташ. Подтверждение этого факта дано в газете «Красное Прикамье», издававшейся в Сарапуле. В небольшой заметке «Берите пример (Агрызи. В Иж-Бобья)» сообщалось: «Большое одноэтажное здание, прямо дверь ведет вас в детский приют-коммуну. Открыв ее, Вас сразу обдает уютом и гостеприимством, всюду чистота и порядок, образцово расставлены маленькие койки, чистенькие наволочки на подушках, одеяла и простыни. Дети все обуты и одеты. Отличительная черта от наших коммун – у детей нет ни одной свободной минуты, они все время заняты и только положенное время играют и т. д. Детей всего 25 человек, некоторые из них учатся, а некоторые работают в мастерских, а некоторые рисуют, лепят, вяжут. Имеются заведующий и две воспитательницы»¹⁷.

Хотя здесь не названы имена, мы можем уверенно говорить, что речь идет именно о том самом детском приюте Г. Буби. Этот приют существовал и в голодном 1921 г., причем мог служить образцом и по обихоженности детей, и по установленным в нем порядкам, и по уровню постановки учебно-воспитательной работы. Видимо, Габдулла-эфенди при организации работы приюта-коммуны использовал свой богатый опыт, применяя те передовые методы обучения и воспитания, о которых

он писал в своем трактате «Женщины». Г. Буби и его семья в трудных условиях в течение двух-трех лет создали образцовое воспитательное учреждение, приучая вчерашних беспризорников к трудолюбию, занятиям учебной и работой. Этот факт доказывает, что он одним из первых начал работу с беспризорниками эпохи гражданской войны и был не менее талантливым педагогом-воспитателем, чем, например, А. С. Макаренко, чьей деятельностью восхищались, с кого брали пример многие советские педагоги.

Таковы некоторые вехи последних лет жизни Габдуллы Буби, всю свою энергию отдавшего делу просвещения народа. Сама совместная работа таких авторитетных идеологов джадидизма с их бывшими учениками, ставшими комиссарами, казалось, давала серьезные надежды на успешное решение национального вопроса при становлении молодой советской власти, на осуществление их идеалов о будущем свободном равноправном развитии культуры и образования татарского народа. В условиях подготовки к празднованию столетия образования ТАССР, нелишнее будет вспомнить и о роли лидеров татарского народа при поиске и создании новых форм государственных образований нерусских народов России. Тяжелобольной Габдулла Буби не мог уже сам активно участвовать в создании Автономной Татарской Советской Республики. Это успешно осуществляло молодое поколение лидеров татарского народа, среди которых было немало учеников ижбубинского медресе. Например, можно назвать имена членов первого правительства АТССР Юнуса Валиди (1889-1923), Кашафа Мухтарова (1896-1937), Гасыма Мансурова (1894-1955), Гаяза Максудова (1891-1942) и других.

7 февраля 1922 г. Габдулла Буби скончался от туберкулеза. Похоронен в Иж-Буби.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ayda A. Sadri Maksudi Arsal. – Ankara, 1991. – S. 111.
2. Декреты Советской власти. – Т. 1. – М., 1957. – С. 114.
3. Кояш. – 1917. – 25 ноябрь.
4. История Татарской АССР. – Т. 2: От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1960. – С. 94-114.
5. В 1911-1912 гг. Ш. Апаков был одним из свидетелей обвинения против братьев Буби во время следствия и суда.
6. Алиев З. Бубый мәдрәсәсе турында истәлекләр (см.: ОРРК НБЛ КФУ, № 3258 т, л. 20).
7. Константинов Н.А. и др. История педагогики: Учебник, 5-изд. – М.: Просвещение, 1982. – С. 339-344.
8. Гражданская война в Поволжье. 1918-1920 гг. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1975. – С. 423.
9. А. Б. Единая трудовая школа // Красный воин. – 1919. – 27 февраля.
10. Там же.
11. Там же.
12. Кызыл Армия. – 1919. – 9 сентябрь.
13. Там же. – 5, 11, 13, 17, 26 августа; 2 сентября.
14. Там же. – 14, 19 сентября.
15. Там же. – 21 октября.
16. Ленин В. И. Ответ на «Открытое письмо специалиста» // Полное собрание сочинений – Т. 38. – М., 1969. – С. 22.
17. Красное Прикамье. – 1921. – 9 марта.

Список литературы

Декреты Советской власти. – Т. 1. – М., 1957. – С. 114.

История Татарской АССР. – Т. 2: От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1960. – С. 94-114.

Ayda A. Sadri Maksudi Arsal. – Ankara, 1991. – S. 111.

References

Ayda A. Sadri Maksudi Arsal [Sadri Maksudi Arsal]. Ankara, 1991, p. 111.

Dekrety Sovetskoy vlasti. T. 1. [Decrees of the Soviet government]. Moscow, 1957, p. 114.

Istoriya Tatarskoy ASSR. T. 2: Ot Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii do nashikh dney) [The History of the Tatar ASSR. Vol. 2: From the Great October Socialist Revolution to the present day]. Kazan: Tat. kn. izd-vo publ., 1960, pp. 94-114.

Фото предоставлены автором статьи

The photos are submitted by the author of the article.

Сведения об авторе

Махмутова Альта Хазеевна, кандидат исторических наук, e-mail: alta1937@mail.ru.

About the author

Alta Kh. Makhmutova, Candidate of Historical Sciences, e-mail: alta1937@mail.ru.

В редакцию статья поступила 11.10.2019, опубликована:

Махмутова А. Х. Габдулла Буби в первые годы Советской власти // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2019. – № 4. – С. 115-126.

Submitted on 11.10.2019, published:

Makhmutova A. Kh. *Gabdulla Bubi v pervye gody Sovetskoy vlasti* [Gabdulla Bubi in the early days of the Soviet regime]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2019, no. 4, pp. 115-126.